

(Вероника Коваль, Художники-евреи Парижской школы. – Одесса, Бондаренко М.О., 2022. – 116 с.)

В литературный бомонд вышла новая книга. Её герои – аристократы духа, чья популярность при жизни достигала невероятных масштабов, а по прошествии времени их имена остались впечатанными в скрижали мировой культуры.

Название как парадоксально, так и интригующе, как красноречиво, так и удивляюще – «Художники-евреи Парижской школы». Так задумала автор книги одесский писатель, журналист и просветитель Вероника Коваль.

Открываем обложку, как дверь к тайникам творчества, представленного галереей образов признанных и любимых художников. Читатель получает возможность заглянуть в тесноту мастерских и вырваться оттуда на просторы залов мировых выставок и музеев.

По признанию Вероники Анатольевны, мысль о создании такого сборника пришла к ней как к ведущей собственного авторского проекта «Дневные звёзды». Она освещала деятельность людей искусства: и наших современников, и работавших в минувшие года. Извлечённые из забвения, их биографии являются достоянием энциклопедий.

В связи с неординарностью личностей их искусствоведческому исследованию пришлось бы посвятить тома. Поэтому задача книги иная. Её составляют новеллы-встречи, новеллы-напоминания о людях, создававших своим творчеством плодородные пласты современной культуры.

Живописцев Парижской школы, столь различных, в целом отличает смелость авангардных решений, поиск новых форм живописи, способов и техник самовыражения и... отменная незаурядность. Именно эта сторона более всего увлекла автора книги и, конечно, сопереживание тому, что их преследовала горечь непризнания, хранила вера в свою исключительность, чужая зависть компенсировалась пониманием собственной значимости. Да! Гении не без амбиций!

Наконец, укором нынешнему депрессивному времени может служить то, что иудейские гены описываемых художников питали каждого жизненнолюбом, наделяли стойкостью к невзгодам и непокорным характером, чуждым пессимизма и отчаяния. Когда в их креативные принципы не верили, они их утверждали. Слухи о них превращались в легенды. Легенды, подкреплённые биографическими фактами, переосмыслены и превращены в короткие, но ёмкие новеллы, образующие книгу-антологию.

Первый, о ком ведётся рассказ, – Марк Шагал («Прогулка над городом»). Его художественное восприятие исходит из детского ощущения себя «между жизнью и смертью». Отсюда – мотивы полёта в картинах, определившие оригинальность его новаторства. Улочки родного Витебска продлены идеей создания еврейской национальной культуры.

...А вот по парижским мостовым прогуливается эстет и баловень судьбы, который хоть и в «рабочих брюках и дешёвых рубашках, вечно расстёгнутых», возвышается над обыденностью, над миром. Это Амедео Модильяни, «олицетворение вольного союза художников» («Амедео»). Его портреты, не схожие с натурой, мановением таланта превращались в символы. Эренбург назвал его судьбу «назидательной, как притча».

...Нищета шла об руку с посмертной славой Хайма Сутина. Но художник не бежал от преследований нужды, а передавал в картинах страдания,

вызванные ею, видя для себя «один фетиш: цвет». Его портреты, ощутимые как плоть и кровь украшают лучшие музеи мира.

...В истории изобразительного искусства имя Леона Бакста (настоящее имя Лейб-Хаим Израилевич Розенберг) связано с эпитетом «блистательный» («Блистательный Бакст»). Неутомимый рисовальщик, вдумчивый поклонник и ярчайший представитель стиля «модерн», ознаменовавшего начало XX века. Дерзкий отказ от консервативности академизма не помешал, а, наоборот, способствовал ему стать как дизайнеру законодателем европейской моды...

Бесспорно, книга была бы неполной, а возможно, и лишена шарма, если бы Вероника Коваль не подчеркнула присутствие в творчестве художников женского начала. По версии автора, творческие судьбы одухотворены присутствием в них женщин, без которых сами творцы не мыслили своего творчества. Сиделки, секретарши, поклонницы, натурщицы незримо давали побудительный импульс к творчеству, на много лет становясь спутницами живописцев, их советчиками, законодателями тайны. Шедевральные портреты документально подтверждают их высокое звание муз.

Это были женщины выдающиеся сами по себе. Например, Амедео обратил внимание «на молодую даму в облегающем платье и широкополой шляпе». И дальше мы словно смотрим его глазами на прекрасную модель: «Она не плала – она несла себя. Когда дама села, обнаружилось, что она состоит из острых углов. Колени, локти. Обнажённые ключицы, нос с горбинкой...». И вот уже перед глазами изысканный портретный набросок Анны Ахматовой, эстетной, горделивой. Из рисунков Модильяни, подаренных русской поэтессе, сохранился один. Но он известен всем!

В этом же круту творила и горячила умы Мария Воробьева-Стебельская, восторгавшая Диего Риверу, Илью Эренбурга, Горький на прощанье подарил ей имя Маревна, под которым она вошла в память потомков.

Совершенно удивительна история любви Эйнштейна к одной из представительниц прекрасной половины человечества. В миру Маргарита была официальной женой советского скульптора Конёнкова, направленного с нею на долгие годы в Нью-Йорк. Но будучи притягательной для мужчин высших светских кругов, она по поручению органов вела наблюдение за настроениями творческой интеллигенции, выступая под агентурным псевдонимом «Антонина». Ей удалось растопить сердце учёного, казалось бы наполненного одной лишь безапелляционной цифирью. Но – тем не менее, чудо произошло! Благодаря ей лауреат Нобелевской премии со своей гениальностью «вывел формулу Бога» («Формула любовного треугольника»).

Замысел и бдения за письменным столом – не всё, что предваряет появление книги. Огромную

организационную работу взяла на себя руководитель Культурного центра Благотворительной фондации «Хесед Шаарей Цион» Анна Розен. По её словам, Вероника Анатольевна выступала лектором в публичной программе «Художник и его муза», существующей в рамках общего проекта «Университет без границ» и вызывающей к этой теме огромный интерес.

Самопроизвольно внимание сфокусировалось на художниках начала XX века, творивших в Париже. И хотя понятие «Парижская школа» была интернациональным сообществом художников, многие представители в этом кругу были с иудейскими корнями. Рассказы о них составили содержание книги и определили её название «Художники-евреи Парижской школы». Объяснение этому – в «Предисловии».

Одной из причин появления евреев Российской империи во французской столице стало, по словам автора, лишение их на родине права оседлости в больших городах. Учиться живописи

они могли только за границей. С другой стороны, «творческой молодёжи стало тесно в устоях еврейских общин», где бытовали религиозные ограничения, и не приветствовалась профессия художника.

Остаётся только сожалеть, что нам недоступно лицезрение подлинников. Но и репродукции несут отпечаток духа и идеи картин. Собранная в книге коллекция цветных иллюстраций позволяют побыть в кругу избранных. Быть в отсветах гениев, проникнуться силой творческой интуиции.

Чтение о них заставляет задуматься о цене, заплаченной за право быть знаменитым. Эквивалента ей нет, несмотря на космические взлёты ставок на аукционах: за картину платят долларами или гильденами, за работу над картинами – судьбой. Любого заставит задуматься, так ли велика потребность в самовыражении, чтобы жертвовать тем обычным человеческим счастьем, которое называется комфорт и благополучие? Но – проникнуться уважением к тем, кто поднялся над стандартами жизни.